

ЛИНГВОПОЭТИКА

Речи вождей, или литература как метаязыковое моделирование

© кандидат филологических наук С. А. Ромашко, 2005

Вненаучные формы языковой рефлексии

В свое время Р. О. Якобсон, рассматривая функции языка в рамках общей коммуникативной модели, заметил, что «метаязык – это не только необходимый научный инструмент, используемый лингвистами и лингвистами; он также играет важную роль в нашей повседневной речи» [Jakobson 1960: 356]. В самом деле, носители языка не только пользуются его возможностями для построения высказываний или их восприятия в процессе общения, но и обращают в процессе общения свое внимание также и на сам язык, прибегая для этого к возможностям употребления языка в метаязыковой / метаречевой функции. Одно из свойств полноценного носителя языка – способность применять язык в том числе и в метаязыковой / метаречевой функции, предполагающей также метаязыковую рефлексивность, определенные представления и знания о языке. Г.М. Хёнигсвальд предложил называть комплекс таких знаний и представлений «народным языкознанием» (folk linguistics) по аналогии с «народной медициной» и другими ненаучными формами знания [Hoeningswald 1966]. Эти элементы языковой рефлексии называли также «наивной (или естественной) лингвистикой». Во всех случаях имеются в виду «спонтанные представления о языке и речевой деятельности, сложившиеся в обыденном сознании человека и зафиксированные в значении металингвистических терминов, таких как *язык, речь, слово, смысл, значение, говорить, молчать* и др.» [Арутюнова 2000: 7].

«Народное языкознание» представляет собой первичную форму (или фазу) языковой рефлексии, возникающую до появления науки о языке (подобно другим видам «наивного», донаучного знания, вроде той же народной медицины, ср. также проблему «протофизики» при рассмотрении базовых представлений человека о физическом мире). Такую рефлексивность можно, следовательно, характеризовать еще и как «языкознание до языкознания» (сходным образом некоторые элементы мифологии могут рассматриваться как «философия до философии»). В то же

время появления науки о языке¹ отнюдь не приводит к исчезновению «народного языкознания», хотя в этой ситуации в «народное» языкознание просачиваются элементы языкознания «научного» (степень пропитанности «народных» представлений о языке научными знаниями может быть, разумеется, очень различной в зависимости и от развития науки, и от приобщенности соответствующей группы или индивида к научным знаниям через школу и другие образовательные и культурные учреждения)². Поэтому вернее было бы говорить о «народном языкознании» как *внеаучной* форме языковой рефлексии.

Функции «народного языкознания» и метаязыковой / метаречевой активности

«Народное языкознание» представляет собой достаточно широкое поле активности, хотя и не совершенно аморфное, но относительно рыхлое, поскольку разные его сегменты оказываются организованными различным образом. Одна из особенностей внеаучной языковой рефлексии заключается в ее полифункциональности: она удовлетворяет различные потребности индивида и языковой общности, при этом одни и те же элементы «народного языкознания» могут по мере надобности включаться в решение различных задач.

Во-первых, «народное языкознание» удовлетворяет ряд потребностей познавательного характера, имеющих отношение как к общей ориентации в мире, так и к осмыслению языка как реальности особого рода. Речь идет о мифах и преданиях этиологического характера, объясняющих происхождение языка вообще или определенного языка, множественность языков (ср. предание о «вавилонском столпотворении» в Ветхом завете), происхождение отдельных слов и имен собственных. Сюда же примыкает и так называемая «народная этимология» [Olschansky 1996], задача которой заключается в обеспечении «прозрачности» (см. об этом [Gauger 1970]) элементов языка, для чего устанавливается их мотивировка (как правило не совпадающая с истинной, которую вскрывает уже научная этимология).

---

¹ Оставляем в данном случае в стороне чрезвычайно сложный вопрос о том, где пролегает граница науки о языке и ограничимся сугубо прагматическим критерием: научным знанием будем считать в данном случае такое, которое требует специальных форм получения, хранения и распространения, т. е. определенной специализации, тогда как классическое «народное языкознание» профессионализации не требует. Более точные характеристики научности и внеаучности будут зависеть и от общих критериев научности, и от конкретных параметров определенной ситуации.

² Примером исследования, основанного на современных данных, собранных в США, служит монография Н.А. Недзельской и Д.Р. Престона (Niedzelski & Preston 2000).

Во-вторых, «народное языкознание» обеспечивает единство языковой общности: носитель языка сознает себя представителем определенного коллектива, объединяемого используемым в качестве средства общения языком. Своя языковая общность как правило противопоставляется чужим; при этом свой язык рассматривается в качестве «нормы», тогда как чужие языки представляются не соответствующими этой норме, аномальными структурами, а их носители не признаются полноценными носителями языка, считаются неспособными к нормальной речевой деятельности, «немыми» (ср. слав. *немцы* как обозначение чужих), «бормочущими» (ср. греч. *bárbaros*). Примечательно, что языковая общность и способ ее формирования оказывается базовой моделью и для культурной общности, а тем самым – и социума вообще (отсюда понимание варварства уже не просто как соотнесенности с чужой речью или как чужестранностью, но и как обозначение отсутствия или крайне низкого уровня социо-культурной организации). Языковая рефлексия выступает в качестве важного конструктивного элемента человеческой общности, ее определения: «... сознание принадлежности к некоторой общности в своих наиболее ранних и простейших формах предстает буквально *привязанным* к этому языковому взаимодействию. Там, где этого взаимодействия не происходит, где индивид оказывается вне языковой общности, то он тем самым выпадает и из социальной общности вообще. *Говорящий на чужом языке оказывается чужаком вообще*», – писал Э. Кассирер [Cassirer 1985: 143].

В-третьих, «народное языкознание» служит для ориентирования в пределах своей языковой общности. Это касается и дифференциации носителей языка в рамках одной языковой общности (умение распознавать диалектные, социолектные и иные языковые различия), и разных аспектов понимания и реализации языковой нормы (здесь «народное языкознание» входит в соприкосновение с так называемым «языковым чутьем», ср. [Sprachgefühl 1982]), а также речевой нормы как умения пользоваться языком для достижения определенных целей в тех или иных ситуациях (нормы речевого поведения изначально фиксируются в различных фольклорных текстах, в наиболее четкой и сжатой форме – в пословицах и поговорках, ср. «слово – серебро, молчание – золото» и т.п.; подробнее о фольклорных правилах речевого поведения см. [Рожественский 1996: 34-46]; см. также пример архаической, но уже выходящей за пределы фольклорной традиции формулировки правил такого рода у Гесиода [Romaschko 1992]).

В четвертых, венаучная языковая рефлексия обеспечивает нормальное протекание процесса коммуникации. Благодаря тому, что «народное языкознание» располагает значительным метаязыковым инструментарием (своего рода «терминологией», подробнее см. [Язык о языке

2000]), носитель языка в случае необходимости может уточнять значение элементов языка и речи, указывать на уместность или неуместность их употребления, проверять, насколько правильно понимает собеседник сказанное, дополнять и корректировать собственные высказывания для того, чтобы обеспечить адекватное понимание в процессе общения. Разного рода поправки, уточнения, дополнения в процессе речевой деятельности представляют собой вклад языковой рефлексии в обеспечение процесса коммуникации. На активность подобного рода указывал и Р. О. Якобсон при пояснении того, что представляет собой метаязыковая функция языка: «‘Я не уловил – что Вы имеете в виду?’», – спрашивает адресат... А адресант, предвосхищая подобные рефлексивные вопросы, интересуется: ‘Вы понимаете, что я имею в виду?’» [Jakobson 1960: 356]³. Метаязыковая активность оказывается, таким образом, частью речевых стратегий говорящего и слушающего в ходе коммуникации.

Метаязыковые / метаречевые модели в литературе

Литературный текст может – и достаточно часто реализует эту возможность – воспроизводить речь индивида в той или иной ситуации. В таком случае литературный текст включает в себя своего рода модель речевых действий данной языковой общности, то есть оказывается, в том числе, и метаязыковой / метаречевой конструкцией. Разумеется, разные жанры литературы в разной степени наполняются метаязыковыми / метаречевыми моделями. Если драматургия или жанр диалога (как прозаического, так и поэтического) в основном из таких моделей и состоят (за их пределами находятся только обрамляющие модели и дополняющие их авторские ремарки разного рода), то в других жанрах модели речевого поведения могут занимать достаточно скромное место, поскольку речь персонажа не всегда воспроизводится буквально или характеризуется с достаточной подробностью и отчетливостью.

Если принять подобное моделирование речевых действий литературных героев в качестве первого уровня метаязыкового измерения литературы, то изображение языковой рефлексии самих героев (т. е. их высказываний или размышлений о языке и речи) оказывается уже вто-

---

³ Заметим, что примеры эти относятся к метаречевой активности, поскольку характеризуют высказывания, а не «код» (т. е. систему языка как таковую). Однако поскольку установка на «сообщение» (message, т. е. высказывание) уже была занята у Якобсона поэтической функцией, для мета-активности в его схеме оставалась только система языка. Вообще же для «народного языкознания» систематическое различие языка и речи не существует; метаязыковые и метаречевые действия образуют единый комплекс, поскольку собственно языковые элементы сами по себе (без каких-либо дополнительных лингвистических либо экстралингвистических – культурных, социальных, религиозных и др. – характеристик) носителю языка как правило не интересны.

рым уровнем метаязыкового измерения литературы. В первом случае (моделирование речевых действий) речь идет о метаязыковой / метаречевой работе автора. Во втором – об авторском отражении метаязыковой / метаречевой работы героя. Во втором случае моделируется уже сам метаязыковой / метаречевой инструментарий, что выводит языковую рефлексию на новый уровень.

Если более поздние литературные произведения могут оказаться интересны в силу более развитых и дифференцированных отношений разных уровней языковой рефлексии, то произведения ранней, архаической словесности интересны потому, что со всей очевидностью демонстрируют возможности чистой внеаучной метаязыковой / метаречевой активности: ни языкознания, ни философии, ни логики в то время в тех обществах, в которых возникали подобные произведения, еще просто не существовало, так что все возможности литературного моделирования речи в архаический период исключительно и очевидно отражают только донаучную фазу языковой рефлексии. Кроме того, применительно к прошлому словесность оказывается единственным источником изучения метаязыковой / метаречевой активности: ни непосредственное наблюдение, ни иные источники (как, например, записи живой речи) в этом случае просто не существуют⁴.

Уровни моделирования в литературном тексте: речи вождей в «Илиаде»

Сказанное будет продемонстрировано далее на отрывке из четвертой песни «Илиады». Хотя точные обстоятельства возникновения этого текста (время создания и авторство) нам не известны, однако нет никакого сомнения в том, что ничего подобного науке о языке (как и развитой общефилософской рефлексии) в Древней Греции на момент сложения поэмы не существовало.

В четвертой песни «Илиады» повествуется о том, как троянцы нарушили установленное было перемирие, после чего возмущенные греки возобновляют военные действия. Агамемнон пешком обходит развертывающиеся войска и беседует с вождями, подбадривая их. Обнаружив, что предводитель афинян Менесфей и Одиссей еще только ожидают возможности двинуться в бой, Агамемнон обращается к ним с возмущенной речью, которая должна побудить их к более активным действиям:

Так их нашед, возроптад повелитель мужей Агамемнон
И к вождям возгласил, устремляя крылатые речи⁵:

⁴ Пример анализа «народного языкознания» на материале древнего памятника письменности см. [Ромашко 2000].

⁵ «Пернатые / крылатые слова» (épea pteróenta) – одна из поэтических формул Гомера.

«...Что, укрываясь здесь, вы стоите, других ожидая?
Вам из ахейских вождей обоим надлежало бы первым
Быть впереди и пылающей брани в лицо устремляться.
Первые вы от меня и о пиршествах слышите наших,
Если старейшинам пиршество мы учреждаем, ахейцы.
Там приятно для вас насыщаться зажаренным мясом,
Кубками вина сладкие пить до желания сердца;
Здесь же приятно вам видеть, хотя бы и десять ахейских
Вас упредили фаланг и пред вами сражались медью».
Гневно воззрев на него⁶, отвечал Одиссей знаменитый:
«Речи какие, Атрид, из уст у тебя излетают?»⁷
Мы, говоришь ты, от битв уклоняемся? Если, ахейцы,
Мы на троян быстроконных воздвигнем свирепство Арея,
Узришь ты, если захочешь и если участие примешь,
Узришь отца Телемахова в битве с рядами передних
Конников храбрых троян; а слова произнес ты пустые!»
Гневным узрев Одиссея, ослабилась царь Агамемнон,
И, к нему обращаясь, начал он новое слово:
«Сын благородный Лаэрта, герой Одиссей многоумный⁸!
Я ни упрёков отнюдь, ни приказов тебе не вещаю.
Слишком я знаю, что сердце твое благородное полно
Добрых намерений; ты одинаково мыслишь со мною.
Шествуй, о друг! а когда что суровое сказано⁹ ныне,
После исправим¹⁰; но пусть то бессмертные все уничтожат!»
Так произнеся, оставил вождей и к другим устремился...
(IV.336-337, 340-364, перевод Н.И. Гнедича)

Прежде всего, в этом пассаже моделируется достаточно острый речевой конфликт: возмущенный Агамемнон напоминает Одиссею и Менесфею о воинском долге, добавляя при этом обидное замечание: на пиру они первые, в бою последние. Одиссей резко возражает, утверждая, что когда настанет их черед, они, как и прежде, проявят свою доблесть. Не желая обострять в довольно сложной ситуации отношения, Агамемнон, как опытный политик и ритор, тут же меняет тон и снимает

⁶ Букв.: «глядя исподлобья» (hupódra idòn), также формульное выражение.

⁷ Букв.: «что за слово выскочило из ограда твоих зубов?», формульное выражение.

⁸ Примечательна резкая смена тона Агамемнона, который тут же меняет эпитет Одиссея: если раньше, порицая его, он называл Одиссея «полным злых коварств», то теперь, когда он стремится к примирению, в связи с той же способностью Одиссея почтительно характеризуется как «многоискусный / изобретательный» (polumèkhanos).

⁹ Букв.: «сказано ныне недоброе / злое» (ti kakòn nûn eîgètai).

¹⁰ Aressomèth', т. е. 'достигнем согласия, уладим'; представляется вполне оправданным считать и этот глагол в данном контексте метаречевой характеристикой (= 'обсудим это и достигнем соглашения').

свои замечания, призывая Одиссея не обращать внимания на сказанное. Моделируемые реплики диалога сопровождаются авторскими ремарками метаязыкового / метаречевого характера (в тексте выделены подчеркиванием). Примечательно, что для этого у эпического поэта были в том числе и готовые формульные выражения (скорее всего, хотя бы отчасти доставшиеся ему от предшественников по поэтической традиции), которыми он и в этом случае воспользовался. Интересно также, что собственно языковые / речевые действия сопровождаются паралингвистическими характеристиками (взгляд исподлобья у Одиссея, примирительная улыбка у Агамемнона). В результате образуется достаточно полная и детализированная модель речевого конфликта и его разрешения. Такой первый уровень метаязыкового моделирования в этом пассаже.

На следующем уровне метаязыкового моделирования мы имеем дело уже не с характеристиками речевых действий героев, а с моделированием метаязыковых / метаречевых высказываний самих героев в ходе их речевых действий (в тексте выделены курсивом). Герои не только высказываются относительно внеязыковой реальности, но и определенным образом квалифицируют свои и чужие речевые действия. Одиссей, выразив общее удивление словами Агамемнона («Речи какие...»), в завершение своей реплики определяет речь Агамемнона как лишенную реального значения («слова произнес ты пустые»), не соответствующую действительности. Агамемнон, желая уладить конфликт, во-первых, подчеркивает, что его высказывание не следует понимать как оскорбление или желание акцентировать более низкий социальный статус Одиссея (лица, которому могут отдаваться «приказы»), а во-вторых, предлагает не считать произнесенное действительным и найти в дальнейшем примирительное решение возникшего конфликта (ссылка на богов должна усилить действие высказывания).

Примечательно, что далее поэма демонстрирует иной вариант реакции на критику Агамемнона. Менее амбициозный, чем Одиссей, Диомед, которого Агамемнон также упрекает в медлительности, не только не возражает ему, но и обрывает соратника, пытающегося сделать это. Диомед объясняет свое поведение тем, что положение Агамемнона как предводителя всего войска предполагает различные способы речевого воздействия:

Я не вменяю в вину, что владыка мужей Агамемнон
Дух возбуждает к сражению пышнопоножных данаев.
(413-414)

Таким образом, в конечном счете метаязыковое моделирование (на обоих уровнях) в поэме представляет собой часть личностной характеристики героев.

Репертуар метаязыковых / метаречевых обозначений, использованных в разобранном эпизоде, крайне скромнен. Это слова, обозначающие высказывание (*épos / érea, múthos*, переводятся обычно как «слово / слова», «речь / речи»), а также общие глаголы речи и синонимичные выражения (*phēmí, phōnéō, pros-audáō [érea pteróenta]*, переводятся как «говорить / сказать»). Есть также глаголы, обозначающие специфические речевые действия (*keleúō* ‘повелевать, приказывать’, *peikéō* ‘бранить, порицать’). В тех случаях, когда прямых обозначений оказывалось недостаточно, использовалась метафора: несостоятельность высказывания обозначается как его «ветреность» (*anemōlia*, что равнозначно русскому *пустословие*, ср. также выражение *слова на ветер*). Сюда добавляются паралингвистические характеристики: мимика, сопровождающая высказывания (враждебный взгляд, улыбка). Этого скромного инвентаря оказывается вполне достаточно для того, чтобы обеспечить метаязыковое моделирование на обоих уровнях: и для характеристики речевых действий героев (авторские ремарки), и для передачи метаязыковых высказываний самих героев (метаязыковая активность героев в составе их речевой деятельности).

Поэзия и правда: литературная модель и реальность

Разумеется, у нас нет возможности проверить, насколько «реалистично» моделирование речевой деятельности в древнем эпическом тексте. Вполне возможно, что некоторые из высказываний реальных воинов архаической Греции на поле брани могли быть достаточно далеки от степенных речей героев «Илиады»¹¹. Тем не менее, не следует выводить свидетельство поэта за рамки реальности. Во-первых, наличие длительной поэтической традиции – также речевая, дискурсивная реальность, хотя и особого рода. В ней были выработаны метаязыковые / метаречевые клише-формулы (такие как «пернатые слова» в приведенном примере), свидетельствующие о том, что метаязыковые / метаречевые характеристики в эпическом тексте были привычным, часто повторяющимся явлением. Во-вторых, представленные в поэтическом тексте модели речевых действий и метаязыковые / метаречевые характеристики вряд ли никак не соотносились с той речевой реальностью, в которой жили поэт и его слушатели. Во всяком случае, они отражали некоторые нормативные представления о речи, существовавшие в языковой общ-

---

¹¹ Об этом свидетельствуют и дошедшие до нас фрагменты ранней греческой лирики: некоторые из авторов, не связанные традициями высокого жанра (например, служивший воином-наемником Архилох или Гиппонакт), не стеснялись в выражениях, благодаря чему наши знания о раннем состоянии древнегреческого языка несколько богаче, чем если бы они ограничивались языком эпоса и торжественной лирики.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2005. – Вып. 30. – 260 с. ISBN 5-317-01585-5

ности¹². В-третьих, привычность метаязыкового / метаречевого моделирования, засвидетельствованная эпическим текстом, говорит о привычности метаязыковой / метаречевой активности в языковой / коммуникативной общности. Таким образом, поэтический текст оказывается достаточно надежным свидетельством метаязыковой / метаречевой активности носителей языка как одной из прагматических составляющих коммуникативного процесса. Отраженная (даже дважды) языковая рефлексия еще раз указывает на то, что метаязыковая активность – необходимый элемент существования языка.

Л и т е р а т у р а

- Арутюнова Н.Д.* Наивные размышления о наивной картине языка // Язык о языке. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 7-19.
- Рождественский Ю.В.* Общая филология. М.: Новое тысячелетие, 1996.
- Ромашко С.А.* Язык и речь в Ветхом завете // Язык о языке. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 543-557.
- Язык о языке / Под общим руководством и редакцией Н. Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Cassirer E.* Die Sprache und der Aufbau der Gegenstandswelt // Cassirer E. *Symbol, Technik, Sprache*. Hamburg: Meiner, [1932] 1985.
- Gauger H.-M.* Wort und Sprache. Tübingen: Niemeyer, 1970.
- Hoeningwald H.M.* A Proposal for the Study of Folk Linguistics // Sociolinguistics: Proceedings of the UCLA Sociolinguistic Conference 1964. The Hague, Paris: Mouton, 1966.
- Jakobson R.* Linguistics and poetics // Style in language. Ed. by T.A. Sebeok. Cambridge (Mass.): The MIT Press, 1960. P. 350-377.
- Niedzelski N.A. & Preston D.R.* Folk Linguistics. Berlin ; New York: Mouton de Gruyter, 2000.
- Olschansky H.* Volksetymologie. Tübingen: Niemeyer, 1996.
- Romaschko S.A.* Zur poetischen Technik Hesiods: Erga 760-764. – Listy filologické. 115. 1992. 1, 115-119.
- Sprachgefühl Sprachgefühl? Vier Antworten auf eine Preisfrage.* Heidelberg: Lambert Schneider, 1982.

---

¹² Разумеется, нормативные представления и реальные действия могут расходиться достаточно сильно. Тем не менее, до тех пор, пока норма не оказывается отброшенной полностью, она продолжает оставаться определенной *социо-культурной реальностью*, характеризующей данный социум.